

Уильям Шекспир Лукреция.

Его милости ГЕНРИ РАЙОТСЛИ,  
герцогу СОУТЕМПТОНУ,

барону ТИЧФИЛДУ Любовь, которую я питаю к вашей светлости, беспредельна, и это скромное произведение без начала выражает лишь ничтожную часть ее. Только доказательства вашего лестного расположения ко мне, а не достоинства моих неумелых стихов дают мне уверенность в том, что мое посвящение будет принято вами. То, что я создал, принадлежит вам, то, что мне предстоит создать, тоже ваше, как часть того целого, которое нераздельно отдано вам. Если бы мои достоинства были значительнее, то и выражения моей преданности были бы значимее. Но каково бы ни было мое творение, все мои силы посвящены вашей светлости, кому я желаю долгой жизни, еще более продленной совершенным счастьем. Из лагеря Ардеи осажденной на черных крыльях похоти хмельной В Колладиум Тарквиний распаленный Несет едва горящий пламень свой, чтоб дерзко брызнуть пепельной золой и тлением огня на взор невинный Лукреции, супруги Коллатина. Верна супругу! – Вот что в нем зажгло Настойчивое, острое желанье... Ведь Коллатину вдруг на ум пришло Расписывать супруги обаянье, Румянец щек и белизны сиянье, И прелесть звезд, горящих на земле, как свет небесных звезд в полночной мгле. В шатре Тарквиния он прошлой ночью Поведал о сокровище своем И как богатств бесценных средоточье Он отыскал по воле неба в нем... А дальше он упомянул о том, что хоть цари у всех слынут в почете, но жен таких у них вы не найдете. Минута счастья озаряет нас и, отблестав, мгновенно исчезает... Так серебро росы в рассветный час Под золотым величьем солнца тает. Едва родившись, сразу умирает! Честь и краса, к несчастью, не всегда Защищены судьбою от вреда. Сама собою прелесть убеждает Без красноречия глаза людей. Ужель необходимость возникает То восхвалять, что нам всего ценней? Зачем же Коллатин в пылу речей Обмолвился о камне драгоценном? Иной раз быть не стоит откровенным! Быть может, хвастовство красой жены Тарквиния порыв воспламенило... Порой сердца ушами смущены! А может быть, ему завидно было, Иль вот какая колкость уязвила, что, скажем, он владеет, Коллатин, Тем, чем владеть не может властелин. Что б ни было – но все же размышленье Его вперед, волную сердце, мчит... Дела и честь, друзья и положенье Забыто все! Он задуть спешит Глухой огонь, что в печени горит. О ложный жар, ты – лед на самом деле, В твоей весне еще шумят метели. Когда проник в Коллациум злодей, Он принят был Лукрецией самою... Он схватку видит на лице у ней Меж добродетелью и красотой. То прелесть побеждалась чистотой, То красота выигрывала бой, Весь блеск невинности затмив собой. Но красота, венчаясь белизною, Зовет на помощь белых голубей, А добродетель в споре с красотой Румянец хочет отобрать у ней... В век золотой уж был он у людей И в наши дни, как встарь, порой бывает, что белизну румянец защищает. Так на лице геральдика ясна; Румянец с белизной вступил в сраженье.. Две королевы, каждая сильна, И обе трона жаждут в исступленье. В них честолюбье разжигает рвенье, Но каждой, так могущественна власть, что ни одной им не придется пасть. Война лилей и роз идет безмолвно, За ней Тарквиний пристально следит, И взор его – разведчик хладнокровный.. Но все ж, боясь, чтоб не был взор убит, как трус, позорно сдаться он спешит Обеим армиям. Ему пощаду Они даруют, им побед не надо. И он решил, что мужа скуп язык, Хоть ей похвал он расточал довольно, Муж попросту унизил этот лик, А впрочем, сделал это он невольно, от неуменья. И в мечте крамольной Тарквиний перед римлянкой застыл И глаз с нее влюбленных не сводил. Но дьявола пленившая святая Не ведает, что перед ней злодей... Живут же праведники, зла не зная, Живут же птицы, не боясь сетей. И, покорив любезностью своей, Она царя приветливо встречает, и взор его ей страха не внушает. Но он таил под мантией порок, Его своим величьем прикрывая... Весьма достойным он казаться мог, Хоть огонек, в его глазах играя, Мерцал желаньем без конца и края... В богатстве нищий, так был жаден он, что вряд ли мог быть удовлетворен. Но, не привыкшая с людьми встречаться, Она мерцанья глаз не поняла И в книге взоров, надобно признаться, Уловок хитроумных не прочла. Неведома приманка ей была, и взор его безгрешным ей казался: Гость просто днем прекрасным восхищался! Он ей о славе мужа говорит, что на полях Италии добыта, Хваля его, все время он твердит, что лавром подвиги его увиты, что все враги в сражениях разбиты. Она, воздев ладони к небесам, безмолвно благодарность шлет богам. Но, свой коварный замысел скрывая, Прощенья просит он, что помешал. В нем не клубилась туча грозовая, В нем ураган еще не бушевал. Час ужасов и Страха наступал, и ночь простерла темень без границы И день замкнула в сводчатой темнице. Тогда отправился Тарквиний спать... Он сделал вид, что утомлен ужасно, Хоть он успел и вечером опять Поговорить с

Лукрецией прекрасной. Свинцовый сон враждует с негой страстной! А мир вокруг спокойствием объят, Лишь воры и развратники не спят. Один из них Тарквиний. Он не дремлет, Обдумывая свой опасный план... Решимость твердая его объедает. Хоть совесть запрещает нам обман, Но тот, кто яростью желанья пьян, Тот в поисках сокровища, поверьте, Не убоится даже лютой смерти. Кто алчно жаждет чем-то обладать, Тот все готов отдать, чем он владеет, Готов он все растратить, проиграть... А луч надежды меркнет и слабеет. Пусть счастья ветерок тебя обвеет, По день зловещий быстро настает, Весть принося о том, что ты - банкрот! Мы все мечтаем в старости туманной Найти почет, богатство и покой И к этой цели рвемся неустанно... Но жертвовать приходится порой То жизнью ради чести, выйдя в бой, То честью ради денег, и к могиле Столь многих эти деньги приводили. Рискую, мы порой перестаем Собою быть в плену метаморфозы, И часто путь, которым мы идем, Шипы нам устилают, а не розы... В мир волшебства стремясь уйти от прозы, Мы презираем все, что есть у нас, И все теряем в злополучный час. Рискует и Тарквиний увлеченный, За наслажденье отдает он честь, Себе он изменяет, ослепленный... Да разве в этом мире правда есть? Хоть с дальних звезд о ней возможна ль весть, Когда себя готов предать он скоро И клевете и шумному позору? Вот ужасам полночным путь открыт, Глубоким сном забываются все готовы, Ни звездочки на небе не блестит, Лишь волки воют да зловеще совы Заухали, ягнят пугая снова... Все праведные души мирно спят, Не дремлют лишь убийство да разврат. Тогда поднялся с ложа царь развратный, К плащу на ощупь тянется рука... Желанье вдаль влечет, а страх - обратно, Одно - манит, другой - грозит пока... Хоть страха власть довольно велика И он назад Тарквиния толкает, Но вождельне все же побеждает. Он чиркнул о кремь своим мечом, И вмиг из камня искры полетели... Он факел восковой зажег потом, Звездой Полярной ставший в мерзком деле. Затем слова зловеще прогремели: "Огонь из камня я извлечь могу, Ужель ее любовью не зажгу?" Но медлит он, от страха вновь бледнея, Обдумывая план опасный свой, Он в мыслях спорит с совестью своею, Готовится ли мечь ему судьбой... \* Он презирает с полной прямою Столь грубо вспыхнувшее вождельне, И речь себе он держит в осужденье: "Угасни, факел, не рождай огня Затмить ее, чей свет еще яснее! Останьтесь, злые мысли, у меня, Я не хочу делиться вами с нею, Я просто перед ней благоговею... И пусть осудят люди навсегда Мой замысел, не знающий стыда! Позор мечам патрициев блестящим! Позор и стыд холмам родных могил! Безбожным делом, все сердца разаящим, Себя в раба ты, воин, превратил! Ты уваженье к доблести убил! За омерзительное преступленье На лбу твоём блеснет клеймо презренья!. И смерть мою позор переживет... На герб червонный наложу бельмо я! Кривой чертой мой герб перечеркнет Геральдик, чтоб отметить дело злое. Потомство не гордиться будет мною, А клясть мой прах, и детские сердца отвергнут имя гнусного отца! Что получу, когда добыюсь победы? Мечту, иль вздох, иль счастья краткий взлет? Кто этот миг берет в обмен на беды? Кто вечность за мгновенье отдает? Кто ради грозди всю лозу встряхнет? Какой бедняк, чтоб тронуть лишь корону, Согласен рухнуть, скипетром сраженный? О, если б муж увидел хоть во сне, Что ей грозит, то мигом бы примчался Сюда к жене, чтоб встать преградой мне, Он с ложа снять осаду бы старался, Убить порок, что тайно в дом прокрался... Он ринулся бы в гнев смыть позор, Веков грядущих грозный приговор. Какое подберу я оправданье, когда меня в бесстыдстве уличат? Немой, во власти дрожи и терзанья. С померкшим взором, я рванусь назад, Но, страхом и смятением объят, Утрачу дерзость, мужество и силу, А там - сойду безропотно в могилу. Когда б убил он моего отца, иль мне готовил смертную засаду, Иль не был верным другом до конца, Мне оправданий бы тогда не надо: Его несчастьем было б сердце радо... Но он - мой родич, мой любимый друг, А я - исток его тягчайших мук! "Позор и стыд!" "Лишь если все узнают!" "Как мерзко!" "Но в любви не скрыто зла!" "Любовь жена с супругом разделяет!" "Ну что ж, а мне бы отказать могла!" Нет, сила воли разум прочь смела! Тот, кто морали прописной страшится, и пугала боялся бм, как птица!" Так спор бесстыдный меж собой вели Лед совести с пылающею волей... Но прочь все мысли светлые ушли, А черный замысел наглед все боле, Став палачом добра, и в этой роли Так далеко в нем мастерство зашло, что в добродетель превратилось зло. Он молвил: "Руку нежно мне сжимая, Она тревожный устремила взор, как если бы в глазах моих читая Судьбе супруга грозный приговор, Ее румянец, скрытый до сих пор, Был розами на полотне сначала, Потом лицо белее ткани стало. Затрепетала тонкая рука, как будто мне свой страх передавала... И ей взгрустнулось, кажется, слегка... Но вот, что муж здоров, она узнала, И радость так в улыбке заблестала, что, если бы Нарцисс гостил у ней, Пожалуй, не упал бы он в ручей. Но для чего ищу я оправданье? Немеет в мире все пред красотой... Волнуют робких мелкие дерзанья, В пугливом сердце - тина и застой? Любовь - мой вождь, любовь - властитель мой! Когда развернуты ее знамена, И трус рванется в первые колонны. Прочь,

детский страх! Сомненья, прочь от нас! Морщинам, седине приличен разум! Отныне сердце в грозной власти глаз... Пусть мудрость смотрит осторожным глазом. А я предамся юности проказам: Цель - красота, страсть - у руля, и в путь! И кто здесь побоится утонуть?" Как сорняками глушится пшеница, Так вождельные заглушает страх... Прислушиваясь, он вперед стремится С надеждой и сомнением в глазах. Но он совсем запутался в речах Двух этих спутников и в самом деле: То вдруг замрет, то снова рвется к цели. Ее небесный облик перед ним, Но рядом с ней он видит Коллатина... Взгляд на нее - и вновь он одержим, Взгляд на него - и вновь душа невинна, И нет о вождельные и помина, Добру внимает сердце, хоть оно Пороком все-таки заражено. Но снова силы гнусные храблятся, Им по сердцу его веселый пыл... Как из минут часы и дни роятся, Так их поток в нем ум заполонил И лестью подлой голову вскружил. Подхлестнутый безумством и гордыней, К Лукреции отправился Тарквиний! Опочивальню сторожат замки! Но взломаны они его рукою... И вот, замками встреченный в штыки, Крадется вор, не ведая покоя. Скрежещет в двери что-то там такое, И хищно в темноте визжит хорек, И трус не слышит под собою ног. Все двери с неохотой уступают, А ветер в щелях воет перед ним И факел поминутно задувает, Тарквинию в лицо бросая дым И путь окутав облаком густым. Но в сердце тлеет глуще желанье, Вновь разжигая факел от дыханья. Лукреции перчатку на полу Он при неверном свете замечает И, с тростника схватив ее, иглу Под ноготь неожиданно вонзает... Игла как будто бы предупреждает: "Шутить со мной нельзя! Ступай назад! Здесь даже вещи честь ее хранят!" Препятствия злодея не смущают, Им даже смысл он придает иной: Дверь, ветер и перчатку он считает лишь испытаньем, посланным судьбой, Иль гириями, которые порой ход стрелок тормозят на циферблате, Ведя минуты медленно к расплате. "Ну что ж, - он мыслит, - эта цепь преград Как в дни весны последние морозы... Они сильней о радости твердят, И птицы звонче свищут в эти грозы. Борьба за клад всегда таит угрозы: Пираты, скалы, мели, ураган Все в океане встретит капитан". Он к двери спальни медленно подходит, За нею скрыт блаженства рай земной... Он от задвижки взора не отводит Преграды между злом и красотой. Почти кощунствует безумец мой: Он начинает небесам молиться, Чтоб помогли они греху свершиться. Но вдруг молитву дерзкую прервав (В которой он просил благие силы Ему помочь, блаженством увенчав, И чтобы все благополучно было), Опомился: "Ну как ты глуп, мой милый! Твою мольбу отбросит небо прочь... Нет, не захочет мне оно помочь! Любовь, Удача - будьте мне богами! Решимость закаляет волю мне... Ведь мысль, не подкрепленная делами, Мелькнув, растает дымкой в тишине. Так тает страха лед в любви огне... Луна зашла, туманы и затменья Позор мой скроют после наслажденья". Рукой преступной он рванул замок И в дверь йогой ударил дерзновенно... Сова близка, голубки сон глубок, Предательством здесь пахнет и изменой! От змей мы удираем прочь мгновенно... Но спит она, и страх неведом ей, Безгрешной жертве яростных страстей. И, крадучись, он в комнату вступает И видит белоснежную постель... Но занавес Лукрецию скрывает. Глаза горят - злодей приметил цель, А сердце, словно в нем бушует хмель, Дает рукам тотчас же приказанье: Снять облако, открыв луны сиянье. Как огненное солнце иногда, Прорвав туман, нам взоры ослепляет, Так и его глаза, взглянув туда, Где высший свет властительно сияет, То жмурятся, то без конца мигают... Виной тут свет, а может быть, и стыд, но взор еще ресницами прикрыт. Томились бы глаза его в темнице. Тогда б они не причинили зла, Тогда бы с мужем счастьем насладиться Лукреция невинная могла... Но их в плену недолго держит мгла, И губит взгляд злоеущий вождельные И жизнь и счастье ей в одно мгновенье. Румянец щек над белою рукой... Подушка тоже жаждет поцелуя. И, с двух сторон ее обняв собой, Она в тиши блаженствует, ликуя... Лукреция лежит, не протестуя; Как символ добродетели, она Во власть глазам бесстыдным отдана. Как маргаритка на траве в апреле, Над пеленой зеленых покрывал Ее рука откинута с постели: Алмазный пот на белизне сверкал. Но свет в глазах у спящей не играл, И, как цветы, во тьме они дремали И утреннего солнца ожидали. Сплелось с дыханьем золото волос, Так скромность с озорством в плутовке слиты... Ликует жизнь над пеленою слез, Хоть дымкой смерти жизни все обвиты... Но здесь, во сне, все это было скрыто, И здесь, друг к другу злобы не тая, И жизнь и смерть предстали как друзья. Два полушария слоновой кости, Никем не покоренные миры, Не зная власти никакого гостя, Лишь мужу отдавали все дары... Тарквиний входит вновь в азарт игры: Теперь, как узурпатор разъяренный, Он свергнуть хочет властелина с трона. Все наблюдая, примечая вмиг, Он вновь и вновь желаньем загорался... Томился тем, что счастья не достиг, Но все-таки покуда не сдавался И с негой бесконечной любовался Под нежной кожей жилоч синевой, Кораллом губ и шеи белизной. Как лев играет с жертвою в пустыне И не спешит терзать добычу он, Так медлит нерешительный Тарквиний, Как будто пыл глазами утолен. Он совершенно, впрочем, не смирен И вздох желанья подавить не в силах... И снова кровь неистовствует в жилах. Как яростных

наемников орда злодейски грабит мирное селенье, насилует и губит иногда детей и матерей без сожаленья, так рвется кровь злодея в наступленье, а сердце гул тревоги захлестнул, оно войска толкает на разгул. И сердце будит взоры барабаном, а взоры отдают руке приказ, и дерзкая рука за талисманом в атаку устремляется тотчас на грудь, открытую для жадных глаз... И кровь ушла сквозь жилки голубые, и побледнели башенки пустые. Кровь хлынула в таинственный покой, где госпожа властительная дремлет, напомнить об осаде роковой: и вот уж сердце тайный страх объемлет, открыв глаза, она с тревогой внемлет, встречает, взор беду со всех сторон: он факелом чадающим ослеплен. Бывает так, что женщина кошмаром во тьме ночной от снов пробуждена: ей призраки почудились, недаром трепещет от волнения она... О ужас беспредельный! Так полна Лукреция и страха и печали: пред ней живые призраки предстали. Она дрожит, вся с головы до ног, от страха, как подстреленная птица... Видений фантастических поток пред ней в тумане пенится и мчится: он лишь в уме расстроеном родится! Непослушаньем глаз ум разъярен, и тайный ужас в них вселяет он. Уже рука на грудь белее снега легла, как разрушительный таран, и сердце, утомленное от бега, уже на грани гибели от ран... Злодей готовит штурма ураган: не жалость в нем, а яростное пламя... Прорвался враг, и город взят войсками! Сперва язык трубою громовой противника зовет к переговорам, но бледный лик над простынь белизной ответственности презреньем и укором... Молчит Тарквиний, он не склонен к спорам! Она упорствует: "Как он посмел? И в чем источник этих страшных дел?" Он отвечает: "Твой румянец алый! Ведь даже лилия пред ним бледна и роза от досады запылала... Лишь в нем и заключается вина! Моя душа решимости полна взять замок твой! Сама ты виновата, что предали тебя твои солдаты! Но ты меня напрасно не кляни: здесь красота расставила капканы... Тебя во власть мае отдали они, чтоб мог я наслаждаться невозбранно. Я к цели шел с могуществом титана: хоть разум вожделье сжег дотла, но вновь желанье красота зажгла! Я знаю, что меня подстерегает, я знаю, что шипы – защита роз, что пчелы жалом мед свой охраняют... И без сравнений ясен тут вопрос. Но я горю, я не боюсь угроз. Желанье жжет – подобно всем влюбленным, оно не повинуется законам! Я в глубине души уже постиг то зло, тот стыд, ту скорбь, где я виною, но зов любви всевластен и велик, желанье к цели ринулось стрелою... Пусть слезы взор мне застилают мглою. Пусть ждуть меня презреньем и вражда я сам стремлюсь туда, где ждет беда!" И вот уж меч в руках его блистает... Так сокол, совершающий полет, малютку птичку тенью крыл пугает, и клюв искривленный добычи ждет. Разящий меч Лукрецию гнетет она угрозу Тарквиния страшится; так бубенцом пугает сокол птицу. "Ты нынче в ночь моею стать должна! Спротивленью одолеет сила... А нет – убью! Скажу – во время сна, узнав, что ложе ты с рабом делила. И честь твою с тобою ждет могила! Убив раба, в постель к тебе швырну, чтоб людям доказать твою вину! А муж твой будет жить, узнав презреньем, всем светом клейменный с этих пор... Твоих друзей постигнет униженьем, твоих детей – безвестностью и позор, а ты, потомству горестный укор, в поэме будешь на века воспета: и не забудется поэма эта! Но уступи – и я союзник твой! Ведь тайный грех похож на мысль без дела! И ради цели высшей и благой проступок мелкий мы свершаем смело. В крупицах яд не губелен для тела... В искусной смеси он, наоборот, нередко исцеленье нам дает. Хоть ради собственных детей и мужа отдайся мне... Семье не завещай стыд, коего на свете нету хуже, на отчий край позор не навлекай! Страшнее рабства он, не забывай, ужаснее уродства от рожденья: там – грех природы, здесь – грехопадение!" И взор смертельный василиска он на жертву устремил и замолкает... В ней символ благочестья отражен: она, как бы в пустыне, умоляет, как лань, которую орел терзает... Но хищник и не слышит этих слез, и он на все от голода готов. Когда долинам угрожают тучи, вершины гор в туманной дымке скрыв, из недр земли взметнется вихрь летучий, и тучи прочь влечет его порыв: он сдержит ливень, облака разбив... Так голос нежный удержал злодея: ведь сам Плутон внимал игре Орфея. Но это лишь игра. Как хищный кот, он хочет с бедной мышкой порезвиться... Вид жертвы будит в нем водоворот страстей, которым не угомониться, не хочет сердце на мольбу склониться... Ведь даже мрамор рушит ярость гроз, а похоть распаляется от слез. Ее глаза с печальною мольбою на грозные черты устремлены... Ее слова, исполнены тоскою, текут, очарования полны... Но иногда, – невнятные и темные, они в смятенье вдруг прервутся сразу, и снова начинать ей надо фразу. И закликает вновь его она Юпитером всемогущим, честью, славой и дружбой, что обетом скреплена, законами страны, и мыслью здравой, и всей вселенной властью величавой, чтоб в комнату свою вернулся он, рассудку, а не страсти покорен! И говорит: "Такой ценой позорной за хлеб и соль ты другу не плати и не мути источник благотворный, не оскверняй священные пути... Лук опусти и жертву отпусти: стрелку не к чести это дело злое в запретный месяц лань разить стрелою! Мой муж – твой друг! Меня ты пощади! Ты так могуч – уйди, себя спасая. И птицу из сетей освободи! Ведь

ты не лжец, зачем же ложь такая? О, если б вздохом сдуть тебя могла я! Не чуждо горе женское мужам: Ужель ты глух к молениям и слезам? И стоны, словно волны океана, Бьют прямо в сердце - в скалы и гранит, Его смягчить стараясь неустанно: Волна и камень в капли превратит! О, если ты броней скал покрыт, То пусть гранит слезами растворится, Пусть жалость вступит в медные бойницы! Ты, как Тарквиний, мною принят был! Но облик царский предал ты позору... Я умоляю сонмы высших сил Тебя сурово покарать, как вора! Ведь ты не то, чем кажешься, коль скоро Ты кажешься не тем, что есть - царем! Царь должен бой, как бог, вести со злом! Какими в старости блеснешь делами, Когда полна злодействами весна? И, возмущаясь царскими сынами, Что ж может от монарха ждать страна? Запомни - даже подданных вина Хранится долго в памяти народа, А деспот царь - неизгладим на годы! И лишь насильно будешь ты любим, Владык же добрых любят и страшатся... Ты все простишь преступникам любым, Раз мог в злодействах с ними поравняться! Не лучше ль будет с ними не сблизиться? Цари - зеркало и наука нам, А мы стремимся подражать царям! Ужели ты в тенетах вожделья? Одумайся - ведь ждет тебя позор! Ужель ты зеркало, где отраженье В грехах погрязшей власти видит взор? Бесчестным прослывешь ты с этих пор, Позор ты вместо славы избираешь, Развратом имя доброе пятнаешь. Будь тверд душой! Богами я молю: Пусть сердце чистое уймёт желанья... Меч для добра дарован королю, Ты должен в гидре зла убить дыханье! Ты выдержал ли это испытанье, Коль, вслед плетясь, бормочет гнусный Грех, Что ты открыл порочный путь для всех? Ты содрогнулся бы от мерзкой сцены, когда другой бы это совершил. Себе прощаем все - вины, измены, Себя карать кому достанет сил? А брата б ты за тот же грех казнил! Тот в мантию порока облачитися, Кто на свои злодейства лишь косится! К тебе, к тебе мольба воздетых рук! Не поддавайся похоти безмерной, Из бездны вознесись в надзвездный круг, Отбросив мысль, исполненную скверны, И пламень мутный усмиришь, наверно... Туман сметая с ослепленных глаз, Ты пощади меня на этот раз!" "Довольно, - он прервал, - потоки страсти Лишь пуце свирепеют от преград, Задуть свечу у вихря хватит власти, Но с ним пожары яростней горят. Пусть вносят в океан ручьи свой вклад И пресных вод становится все боле, Но в нем они не убавляют соли". Она в ответ: "Ты - властный океан, Но в ширь твою безбрежную впадают Бесчестье, похоть, ярость и обман, Они всю кровь владыки оскверняют И в зло добра громады превращают. Не ты потоки грязи растворил, А захлестнул твои просторы ил. Ты станешь их рабом, они - царями, Ты канешь вниз, они взметнутся ввысь, Тебя пожрет их яростное пламя, Чьи языки надменно вознеслись. Нет, натиск мелочей разбей, крепись: Кедр не склоняется перед кустами, А душит их могучими корнями. Восстанье дум подвластных усмири..." "Молчи! - взревел он. - Больше не внимаю! Мне покорись, а нет - тогда смотри! Сопротивленье силой я сломаю! А после сразу же швырну тебя я В постель, туда, где раб презренный спит, И пусть падут на вас позор и стыд! " Он смолк и факел погасил ногою: Всегда разврату ненавистен свет, Злодеи дружат с темнотой ночью, Чем гуще тьма, тем жди страшнее бед! Волк разъярен - овце спасенья нет! Ей рот рукой он плотно зажимает, И вопль в устах безгласно замирает. Волнующейся пеленой белья Он заглушает жалкие рыданья, Не охлаждает чистых слез струя Тарквиния палящее дыханье. Неужто же свершится поруганье? О, если б святость слез ее спасла, Она бы слезы целый век лила! Утраченное жизни ей дороже, А он и рад бы все отдать назад... Покоя не нашел злодей на ложе, За миг блаженства мстит нам долгий ад! Оцепенелые желанья спят, Ограблена невинность беспощадно, Но нищ и чести похититель жадный. От крови пьяный ястреб, сытый пес, Утратив нюх и быстроту движенья, На землю бросит жертву ту, что нес в когтях, в зубах, дрожа от наслажденья. Вот так бредет Тарквиний в пресыщенье... Вкус, насладившись и уже без сил, Всю волю к обладанью поглотил. Греховной бездны этой пониманье Б каких глубинах мысли ты найдешь? Уснет в блевоте пьяное желанье, И нет в нем покаенья ни на грош. Бушующую Похоть не уймешь! Она, как в скачке, рьяно к цели рвется И лишь в бессилье клячей поплетется. Но бледность впалых щек, и хмурый взгляд, и сонные глаза, и шаг усталый Все это значит, что бредет назад Желанье, что все ставки проиграло. В пылу оно с Пощадой в бой вступало, Но плоть яростный порыв поник, И просит сам пощады бунтовщик. Так было ныне и с владыкой Рима, Кто предавался пламенным мечтам: Он приговор себе неотвратимый Сам произнес: бесчестье, вечный срам! Низвергнут в прах души прекрасный храм... В развалинах толпа забот собралась, Им любопытно, что с душою сталось. Она в ответ им: "Мой народ восстал, мятеж разрушил здание святости, сиявший свет бессмертья отблестал, Я в рабство смерти отдана отныне И жизнь свою должна влачить в унынье!" Все бедствия предвидела она. Но власть над ними ей не суждена. Так размышляя, он во тьме крадется Победный пленник, приз свой потеряв... Неисцелимой рапа остается! А жертва, что он бросил, истерзав, Лежит в слезах, лишенная всех прав... Он ей оставил сладострастья бремя, Сам ощущая гнет вины все время. Он прочь, как

вороватый пес, бредет, Она, как в чаще лань, изнемогает, Он свой поступок и себя клянёт, Она в тоске ногтями грудь терзает, Он, весь от страха потный, уползает, Она осталась, проклиная ночь, Он, свой восторг кляня, уходит прочь. Уходит он, сторонник веры новой, Она одна – надежды больше нет, Он жаждет, чтоб рассвет блеснул багровый, Она – чтобы померк навеки свет. "День озарит всю глубь полночных бед, Она твердит, – невмочь глазам правдивым скрывать позор свой под обманом лживым. Мне кажется теперь, что каждый взгляд увидит то, что вы уже видали... Пусть будет взор мой долгой тьмой объят, чтоб о грехе глаза не рассказали. В слезах вину возможно скрыть едва ли, И па щеках, как влага гложет медь, неизгладимо будет стыд гореть". Она покой и отдых отвергает и просит взор глаза во тьму замкнуть, Бьет в грудь себя, и сердце пробуждает, и просит вырваться оттоль и – в путь, чтоб к чистоте в иной груди прильнуть. А далее в неистовой печали Такие речи к Ночи прозвучали: "Ты образ ада, Ночь, убийца снов! Позора летописец равнодушный! Арена для трагедий и грехов! Их в темноте сокрывший, Хаос душный! Слепая сводня! Зла слуга послушный! Пещера, где таится смерти тлен! Сообщница насилий и измен! Ты, Ночь туманная, мне ненавистна! В грехе моем вину тебя одну. Зарю окутай пеленою мгlistой, С полетом времени начни войну! А если ты позволишь в вышину Подняться солнцу, сразу облаками Затми зловеще золотое пламя. Дохни гниением в утра аромат! Пусть это нездоровое дыханье Вольет в сиянье солнца страшный яд В часы его полдневного скитанья. Пусть испаренья, гнили излинья Задуют свет, лучи отбросят прочь, Пусть в полдень властвуют закат и ночь. Будь гость мой Ночью, а не сыном Ночи, Царицу серебра бы он затмил, Ее мерцающих служанок очи закрылись бы размахом черных крыл. Тогда бы круг друзей со мною был, Так легче сладить с горем несмиримым: В беседах путь короче пилигримам. Никто со мной не вспыхнет от стыда, Ломая руки, как вот я ломаю, И не взгрустнет, когда придет беда... Одна, одна – сижу я и страдаю, И ливнем, слез я землю орошаю... С рыданьем речь, с тоскою слился стон, Здесь памятник печали вознесен. О Ночь, ты – горн, где едки клубы дыма! Пусть не настигнет зорким оком день лица, что под плащом твоим незримо, Над коим властвует бесчестья тень! Ты мглой и мраком землю всю одень, чтоб козни все твои могли сокрыться навек в тени полночной, как в гробнице. Не делай ты меня молвою дня! Едва заря из мрака заалеет, клеймо на лбу увидят у меня И факел Гименея потускнеет... Ведь и неграмотный, кто не умеет Все воспринять, что скрыто в недрах книг, В моих глазах бы мой позор постиг. Расскажет нянька обо мне, пугая Тарквинием своих озорников, Оратор, красноречием блистая, О нас немало молвит горьких слов, Певцы поведают в часы пиров: С Тарквинием достойны мы друг друга: Он оскорбил меня, а я – супруга. Пусть имя доброе мое и честь для Коллатина в чистоте сияют! Ужели здесь для спора повод есть? Ведь так и новый корень загнивает... Стыд незаслуженно того пятнает, Кому стыда страшиться нет причин. Была чиста я, чист и Коллатин. О тайный стыд! Позор, никем не зримый! О незаметный и не жгучий шрам! Клеймо на лбу горит неотразимо, Приметно лишь Тарквиния глазам... Не в дни войны, в дни мира горе нам! Увы, как часто нас корят делами, О коих и не ведаем мы сами. Супруг, ты горд был чистотой моей! Ее насилье ярое отъяло. Нет, не пчела, а трутень я скорей, Во мне отныне лето отблестало, Ограблен дом, добра осталось мало! Оса в твой улей залететь смогла, и вот весь мед утратила пчела. Но разве я в утрате виновата? Тебя ясе ради мной был принят он... Он от тебя – так, значит, все в нем свято! Не мог твой гость быть мною оскорблен. А он-то, жалуясь, что утомлен, О добродетели распространялся... Как ловко дьявол маской прикрывался! Зачем червяк вгрызается в цветок? Иль воробьев из гнезд кукушки гонят? Иль ядом жабы осквернен поток? Иль девы грудь под игом страсти стонет? Иль царь бесчестьем титул свой уронит? Да, совершенства в этом мире нет, Во всем чистейшем есть нечистый след! Вот старый скряга у ларца с деньгами: Подагра, судорога ног и рук, Чуть видит он потухшими глазами... Но, как Тантал, под игом страшных мук, Он проклиная горький свой недуг. Он знает, что и золото не в силах Заставить вспыхнуть кровь в иссохших жилах. Владеет им, увы, без пользы он, и все, что скарденность за жизнь скопила, Все – сыновьям, никто не обделен! Отец был слаб, но в них бушует сила, и вмиг проклятое блаженство сплыло! Как часто схватишь сладость, а во рту Почувствуешь нежданно кислоту! Над нежною весною вихрь кружится, С бутонами в корнях сплетен сорняк, Шипит змея там, где щебечет птица, Зло – добродетели смертельный враг! Ничто своим не назовешь никак, Все предаёт враждебный людям Случай Иль бедствиям, иль смерти неминуемой. О Случай, как тяжка твоя вина! Предателя склоняешь ты к измене, Тобою лань к волкам завлечена, Ты предрешаешь миг для преступления, Закон и разум руша в ослепленье! В пещере сумрачной, незрим для всех, Таится, души уловляя, Грех! Ты на разврат весталок соблазняешь, Ты разжигаешь пламенную страсть, Ты честность и доверье убиваешь, Ты дев невинных подстрекаешь пасть, Хула ль, хвала – твоя всемогущая власть! Вор и

насильник, с хитростью во взоре, В желчь превращаешь мед, блаженство - в горе! Твой скрытый пыл сменил открытый стыд, Твой тайный пир всеобщий пост сменяет, Твой блеск любезный меркнет в мрак обид, Твой мед в устах полынью отзывает, Твое тщеславье, промелькнув, растает... О мерзкий Случай, отвечай, зачем, Столь ненавистный, ты желанен всем? Когда просителю ты станешь другом, Его прошеньям дав законный ход? Когда покончишь ты с войны недугом, Избавив душу от цепей забот? Когда больным вольешь лекарство в рот? Бедняк, хромой, слепой - ползут, взывают, Но часто ль на пути тебя встречают? Умрет больной, покуда врач храпит, Сиротка плачет, враг ее ликует, Пирует суд, вдова в слезах молчит, На травле граф, а в селах мор лютует... Тебя не благо общее волнует! Измены, зависть, зло, насилие, гнев Ты всем им служишь, в злобе озверев. Добро и Правда лишь к тебе стремятся, Но тысячи преград ты ставишь им Пусть платят деньги! А Греху, признаться, Платить не надо - ты же в дружбе с ним, Влиянием его ты одержим! Ждала супруга я, но не случайно Пришел Тарквиний - твой любимец тайный. Твоя вина - убийство, воровство, Твоя вина - грех клятвопреступленья, Твоя вина - измена, плутовство, Твоя вина - позор кровосмешенья! Ты спутник всех грехов без исключения, В прошедшем, в будущем, везде, всегда, От хаоса до страшного суда. О Время, с Ночью схожее отчасти, Гонец и вестник пагубных забот, Враг юности и раб преступной, страсти, конь, на котором Грех летит вперед, Рождает все и губит твой полет! О Время, в жизни ты играло мною, Так стань же гибели моей виною! Зачем же Случай, верный твой холоп, Меня настиг, когда я отдыхала? Разбив мне жизнь, его рука по гроб Меня к несчастьям ныне приковала. Врагов мирить тебе бы надлежало и ложность мнений исправлять - вот цель! А не вторгаться в брачную постель. Твой долг - кончать все распри меж царями, Ложь обличать, возвысив правды свет, Прижать печать на и прошлыми веками, Будить рассвет, ночной сметая вред, Злодеев исправлять годами бед И всюду разрушать земные зданья, Темня их башен золотых блистанье. В добычу храмы отдавать червям, Все меркнувшее в пасть швырять забвенью, Вскрыть новый смысл в старинных книгах нам, У ворона раздергать оперенье, Не ветхость славить, а весны цветенье, Отжившее, как молотом, дробить И вихрем колесо судьбы кружить. Дать внучек старым дамам, обращая Младенца в мужа, старика в дитя, Убить убийцу-тигра, укрощая Единорога или льва, шутя, Разить плута, его же плутней мстя, Рождать крестьянам урожай огромный И скал громады рушить каплей скромной. Зачем лишь зло творишь, свершая бег, Раз для добра не можешь ты вернуться? Отдай хотя 6 минуту нам за век И тысячи вокруг тебя сомкнутся, Они умно с долгами разочтутся... Один лишь час бы я вернуть могла, И я бы отразила натиск зла. О Время, вечности лакей бессменный! Обвей бедой Тарквиния уход, Измысли ужас необыкновенный... Пусть ночь преступную он проклянет, Пусть призраков над ним витает гнет... Чтоб всюду грех в его сознание плавал, Пусть каждый куст грозит ему, как дьявол! Пусть он спокойного не знает сна, Пусть ночью он стенает иступленно, Пусть без конца томит его вина, Пусть он годами испускает стоны, Сердцами каменными окруженный... Пусть он не видит нежных женских лиц, А только пасти яростных тигриц! Пусть волосы он рвет, тоской терзаясь, Пусть сам себя проклятьями клеймит И, помощь от тебя обрести отчаясь, Пусть жизнь раба презренного влачит, Пусть с завистью на нищих он глядит, Пусть, наконец, злодею в наказанье Откажет даже нищий в подаянье. Пускай врагами станут все друзья, Пусть весело шуты над ним глумятся, Пусть видит, как в печалях бытия Медлительно часы и дни струятся И как они в безумствах жизни мчатся, Пусть за свое деянье от стыда Не знает он покоя никогда! Ты, Время, - злым и добрым откровенье! О, как должна злодея я проклясть? Пусть леденеет пред своею тенью, Пусть от своей руки мечтает пасть, Ей кровь презренную отдав во власть... О, кто на роль столь мерзкую польстится Стать палачом мерзавца согласится? А то, что он из рода королей, Усугубляет замысел кровавый! Чем выше смертный, тем шумят сильнее Вокруг него и ненависть и слава... Да, высших высший ждет позор по праву! Лишь тучей затмевается луна, А россыпь звезд всегда едва видна. Ворона грязью перемажет крылья Никто и не заметит все равно, А лебедь, несмотря на все усилья, Отмыть не сможет с белизны пятно... Светло жить королям, рабам - темно! Комар летит - его и не найдете, Но всем очам открыт орел в полете! Прочь, праздные слова, рабы шутов! Бесплодные и немощные звуки! Лишь в школах место для бесцельных слов, Иль в дебрях схоластической науки, Или в суде, где ждет проситель в муке... А мне не нужно доводов в суде Законы не помогут мне в беде! Напрасно Время я кляню и Случай, Тарквиния и сумрачную Ночь, Напрасно, свой позор оплакав жгучий, Я отогнать его мечтаю прочь... Нет, плесень слов не может тут помочь! Мне лишь одно спасенье остается Пусть кровь моя нечистая прольется! Таков мой рок. Зачем дрожишь, рука? Ведь это честь - избавить от позора! Умру - со славой ты войдешь в века, Останусь жить - ты стыд познаешь скоро, Ты не могла спасти меня от вора, Страшилась схватки с яростным врагом... Убей меня - и мы умрем вдвоем!" Она

встает с растерзанной постели, Найти орудье смерти надо ей... Но это же не бойня, в самом деле, Не сыщешь тут кинжалов и ножей... В ее устах дыханье все слабей Так тает в небе дым из жерла Этны. Так дым обстрела меркнет не приметно. "Живу напрасно, - говорит она, Но средства кончить жизнь не нахожу я... Смерть от меча его была страшна, Теперь для той же цели нож ищущий! Но мужу верность я храню былую и ныне... Нет, теперь уж я в Тарквинием вся святость отнята! Исчезло то, чем жизнь была желанна... К чему теперь страшиться смерти мне? На смятой тоге - славы знак туманный... Сотру ли смертью память о пятне? Позор живет, а жизнь - в могильном сне! Раз нет сокровища, то пользы мало Разбить шкатулку, где оно лежало. Да, милый Коллатин, тебе не след Изведать горечь веры оскверненной, Твоей любви не омрачу я свет Бесчестной клятвой, ложью заклеянной. Нет, не родится отпрыск обреченный! Не дам злодею хвастаться потом, что ты его отродю стал отцом. Не дам злодею втайне ухмыляться, В кругу друзей смеяться над тобой... До твоего добра он смог добраться Не золотом, а хваткой воровской. Сама я властна над своей судьбой! Не в силах жить под гнетом оскорбления, Я смертью смою это осквернение! Бесчестьем я тебя не отравлю, Не скрою зло сплетеньем оправданий, Я краской черный грех не побелю, чтоб спрятать правду страшных испытаний. Все выскажу, открыв врата страданий, И хлынет, как поток в долину с гор, Чистейший ключ, смывая мой позор". А в это время смолкла Филомела, Утих прелестный, жалобный напев, И ночь торжественная улетела В зловещий ад. Восток, порозовев, Льет ясный свет в глаза юнцов и дев... Лукреции отнюдь не до веселья, Ей хочется замкнуться в Ночи келье. Сквозь щели стен лучи за ней следят, Как ореол над героиней в драме. Она в слезах твердит: "О зоркий взгляд! Зачем в мое окно ты мечешь пламя? Лишь очи спящих щекочи лучами... Пусть не клеймит мне лба твой жгучий свет, У дня от века с ночью дружбы нет". Все омерзенье ей кругом внушает... Грусть, как ребенок, в буйности шальной То расхохочется, то зарыдает. Мир старых горестей уже ручной, А вот у новых пыл совсем иной, Но так пловец неопытный, в волнение, Усталый, тонет лишь от неумения. Так, погрузившись в бедственный океан, Она вступает в спор с любым предметом... Все, все застлал ее тоски туман, Она лишь горе видит в мире этом, Тьму горестей, не тронутую светом... Порой печаль нема - ни слова нет, Порой сойдет с ума, впадая в бред! Встречают утро ликованьем птицы, Но радость их у ней рождает стон. Тоску веселье облегчить стремится, Но лишь острее грустный им пронзен, Себе в дружья лишь грустных ищет он! Тогда казались легче нам печали, Когда участие скорбных мы встречали. Двойная смерть - у берега тонуть! Пред грудой яств - лютей в сто раз голодный, Взгляни на мазь - сильней занозит грудь, Грусть может стать от ласки безысходной... Печаль течет рекою полноводной, Но стоит путь плотиной перекрыть, И ярость волн уж не остановить! "Насмешницы! - твердит она, - в пернатой Груды похороните песен лад, Пусть смолкнет хор ваш, немотой объятий, Печаль не терпит никаких преград, В тоске гостям веселым ты не рад... Прочь! Услаждайте слух беспечной девы, А слезы любят скорбные наклейки. Слети ко мне и вспомни - уж давно Ты пела о насилье, Филомела! Земное лоно ночью слез полно... Пой так, чтоб грусть во мне не охладела, чтоб слезы, вздохи длились без предела. Тарквиния проклясть - досталось мне, Ты проклинай Терея в тишине! Ты, в грудь себе шипы от роз вонзая, Уснуть терзаньям острым не даешь, А я, твоим - порывам подражая, Я к сердцу приставляю острый нож... О Смерть, ты жертву жалкую влечешь! От этих мук сердца уже устали, Настроены их струны в лад печали. Раз ты молчишь, бедняжка-птичка, днем, Боясь с людскими взорами встречаться, Давай в пустыню дальнюю уйдем, Где нет нужды ни зноя опасаться, Ни льдов... Там скорби можем мы предаться, Там песней усмирится хищный зверь... Раз люди звери, только зверю верь!" Как лань затравленная, озираясь, На свору псов бросает дикий взгляд Иль тот, кто, в лабиринте пробираясь. Блуждает по тропинкам наугад, Так у нее в душе царит разлад: Что лучше - умереть иль жить на свете, Когда жизнь - ад и смерть уж ловит в сети. "Убить себя, - волнуется она, Не значит ли сгубить и душу с телом? Утрата половины не страшна, Куда страшнее нам расстаться с целым. Та мать прославится злодейским делом, кто, потеряв одну из дочерей, Сама убьет вторую вслед за ней. Но что дороже мне - душа иль тело? Причастность к небесам иль чистота? Нет, обе дороги мне, вот в чем дело! Для мужа и небес - и та и та. Увы! Когда кора с ольхи снята, Поблекнут листья и увянут почки, Так и душа, лишившись оболочки. Нарушен навсегда ее покой, Ее дворец разрушен в прах врагами, Запятнан и поруган храм святой, На нем водружено бесчестье знамя... Ужель кощунство - посудите сами! Коль крепости врата раскрою я, чтоб прочь в тоске ушла душа моя? По не умру, покуда Коллатину Причину смерти не скажу... О нет! чтоб он поклялся мстить, ему картину Открою глубины постигших бед. Запятнанную кровь - вот мой завет! Тарквинию отдать! Ведь он виновен, что кровь нечистая прольется мною. Теперь ножу свою вверяю честь Пусть в тело оскверненное вонзится! Ведь смерть позору должно



предпочестъ, Пусть честь живет, а жизнь пускай затмится., Из пепла, грязи слава возродится! Когда убью своею смертью стыд, Из пепла честь, как феникс, воспарит. Властителю утраченного клада, Что завещать тебе теперь должна? Моя решимость – вот твоя отрада, Ты отомстишь за мой позор сполна. Тарквиний да погибнет! Цель ясна: Я, друг и враг, себя низрину в Лету, Но ты отмети Тарквинию за это! Еще раз волю вкратце повторю; Для неба и земли – душа и тело, Решимость я, супруг, тебе дарю, А честь свою ношу вручаю смело, Мой стыд – задумавшему злое дело, А славу – в память тем в родной стране, Кто не помыслит худо обо мне. Ты, Коллатин, вершитель завещанья, Смотри, как поступил со мною враг! Я смою кровью тяжесть поруганья, И светом смерти вспыхнет жизни мрак. Бесстрашен сердца клич: да будет так! Своей рукою одолею беды И гибелью достигну я победы!" Итак, ей смерть – единственный исход! Она, из глаз жемчужины роняя, Служанку хриплым голосом зовет, И та летит, минуты не теряя... Покорна долгу дева молодая! На щеки госпожи глядит она Там словно тает снега пелена. Она ей утра доброго желает, А дальше скромно приказаний ждет... Ей видно – госпожу тоска терзает, Ей ясно – горе госпожу гнетет! Но все ж спросить покуда не дерзнет Как, почему два солнца вдруг затмились, А щеки роз и свежести лишились. В закатный час как бы в слезах поля И все цветы увлажнены росой: Так всхлипывает дева, скорбь деля Столь щедро со своею госпожою. Ей жаль – два солнца гаснут, скрыты тьмою, И падают в соленый океан, И ей самой в глаза упал туман. Застыв, стоят прелестные созданья, Как у фонтана статуи наяд... Но непритворны госпожи рыданья, И лишь сочувствие – служанки взгляд. Ведь женщины чуть что – заголосят! Всегда с любым готовы плакать вместе, Глаза, как говорят, на мокром месте! Мужчины – мрамор, женщины – лишь воск! Как мрамор хочет, так он воск ваяет! Созданьям слабым впечатленья в мозг Мужская сила, ловкость ложь врезает... Виновны ль жены в том, что так страдают? На воске с мордой дьявольской печать Возможно ль воск за это порицать? Ведь женщина – открытая равнина, Приметен тут и крохотный червяк... Походит на дремучий лес мужчина, Где залегло все зло в пещерный мрак. В хрустальных гранях виден и светляк! Порок мужчин под сталью глаз таится, А женщин выдают во всем их лица! Никто цветок увядший не корит, А все бранят разгул зимы морозной. На жертву ль должен пасть позор и стыд? Нет, на злодея. Не карайте грозно Ошибки женщин. Рано или поздно, Все зло исходит от владык мужчин, Винить подвластных женщин нет причин. Так и с Лукрецией происходило: Беда ее настигла в час ночной... Угроза смерти и стыда – вот сила, которая сломила стойкость той, Кто славилась святейшей чистотой. Ей тайный страх сознание застигает, Что стыд и после смерти ожидает. Лукреция спокойно говорит Служанке, соучастнице терзанья: "Зачем же слезы и печальный вид? Здесь бесполезны эти излиянья... Ведь если плачешь ты из состраданья, Знай, будь в слезах спасение от зла, Тогда б сама себе я помогла. Скажи, когда... – и сразу замолчала, Потом со стоном: – отбыл гость ночной?" А та в ответ: "Да раньше, чем я встала! Моя небрежность, видно, тут виной... Но смилуйтесь, молю вас, надо мной: Сегодня поднялась я до рассвета, Хватилась, глядь... Тарквиния уж нету! Но, госпожа, осмелюсь ли узнать, что нынче вас терзает и тревожит?" "Молчи! – в ответ Лукреция. – Сказать все можно, только это не поможет, Не выразить тоски, что сердце гложет... Одно название этой пытке – ад! Где слов уж нет, там попросту молчат! Поди достань перо, чернил, бумагу... Ах нет, не надо... Все нашла я вдруг... Что я сказать хотела? Я не лягу... Письмо супругу я пошлю, мой друг! Скажи скорей кому-нибудь из слуг: Пусть будет в путь готов без промедленья, Сейчас терять не должно ни мгновенья!" Ушла служанка. Госпожа берет перо, но в воздухе оно застыло... Меж разумом и горем бой идет, Ум полон дум, но воля все убила, Все чувства вмиг сковала злая сила. Подобно шумным толпам у дверей, Теснятся мысли в голове у ней. Но вот начало: "Мой супруг достойный! Шлет недостойная жена привет! Здоровым будь! Но дома беспокойно, И, чтоб успеть спасти меня от бед, Спешу сюда немедленно, мой свет! Письмо из дома с грустью посылаю, О страшном горе кратко извещаю!" Сложив письмо, она берет печать замкнуть печали смутные картины... Теперь о горе сможет муж узнать, Но как узнает он его причины? Она боится, все-таки мужчины Вдруг он иначе как-то все поймет... Нет, кровью смыть позор – один исход! Все, что у ней на сердце накипело, Супругу все поведаст она... Не только здесь в слезах и вздохах дело, Нет, подозренья смыть она должна И доказать, что не на ней вина. Тут не к чему пестрить письмо словами, Тут можно оправдаться лишь делами! Страшной вид горя, чем о нем рассказ! Так часто слуху мы не доверяли! Сильней, чем ухо, нас волнует глаз, Хоть оба о беде повествовали. Услышать можно только часть печали: Так мель всегда шумней, чем глубина, И в вихре слов скорбь схлынет, как волна. Сургуч, печать, и надпись вот такая: "В Ардею, мужу. Спешно передать!" Она письмо вручает, умоляя Посланца ни мгновенья не терять, Лететь стрелой и птиц перегонять... Любая скорость медленной ей мнится,

Ведь крайность вечно к крайностям стремится! Слуга отвесил госпоже поклон, В глаза ей пристально взглянул, краснея... Затем посланье взял и вышел он Безмолвно, ни о чем спросить не смея. Виновный ловит взор любой, бледнея: Ей кажется, затем он покраснел, что все о ней уже узнать успел. Куда ему! Ей-богу, не хватало Посланцу ни дерзання, ни ума; Он дело делал, а болтал он мало Не то что те, в ком самохвальства - тьма, А в деле-то медлительны весьма! Он образцом был времени былого: Долг выполнял свой честно и - ни слова! В ней подозренье это и зажгло. Двумя пожарами горят их лица... Узнал ли он, что с ней произошло, Все время разгадать она стремится. А он смущен - ну как тут не смутиться? Чем ярче он румянцем распален, Тем ей ясней - во все он посвящен! Ей кажется - остановилось время, Хоть минуло лишь несколько минут... Ей времени невыносимо бремя. Вздыхать и плакать - пользы мало тут; Стенанья, слезы - самый тяжкий труд. Хоть бы забыть о жалобах и плаче! Грустить теперь ей хочется иначе. Вдруг вспомнила... картина на стене Прекрасное изображение Трои, И рати греков - в яростной войне За стыд Елены мстящие герои. Вознесся к тучам Илион главою... Здесь создал мастер просто чудеса: Склонились нежно к башням небеса. Назло природе, миру горькой прозы Искусством жизнь заставшая дана: Засохшей краски капли - это слезы, Их об убитом муже льет жена... Дымится крови алая волна И умиравших мерцают очи, Как угли, меркнувшие в мрачной ночи. Вот воин - роет он подкоп сейчас, Покрыт он пылью, поте него струится... А с башен Трои смотрят сотни глаз На греков через узкие бойницы. Совсем не веселы троянцев лица: Так тонко это мастер воплотил, Что каждый взор как будто грусть таил. Величественность и благоволение Открыто в облике вождей царят, А в юношах - стремительность и рвенье... А вот и бледных трусов целый ряд Смятием любой из них объят, Они в постыдном ужасе и дрожи С крестьянами запуганными схожи. А вот Аякс и Одиссей вдвоем... Как вдохновенна здесь искусства сила! По облику мы сущность познаем Так мастерски их кисть изобразила. Лицо Аякса гневным, грозным было, А вкрадчивый и хитрый Одиссей Почти пленял улыбкою своей. А дальше - старец Нестор перед вами. Он греков воодушевлял на бой. В размахе рук рождал он пыл речами И как бы властвовал над всей толпой. Своей серебряною бородой Потряхивал он, словно в назиданье, И к небесам неслось его дыханье. Вокруг него - разнообразье лиц... Внимая Нестору, они застыли, Как будто пением волшебных птиц Их жадный слух сирены покорили. Одни внизу - другие выше были... То тут, то там мелькала голова, В такой толпе заметная едва. Один застыл над головой другого, А тот его почти что заслонил, Тот сжат толпой, от злобы весь багровый, А тот бранится, выбившись из сил, Во всех бушуют ярость, гнев и пыл... Но Нестор их заморозил речами, И некогда им действовать мечами. Воображенье властно здесь царит: Обманчив облик, но в нем блеск и сила. Ахилла нет, он где-то сзади скрыт, Но здесь копьё героя заменило. Пред взором мысленным все ясно было в руке, ноге иль голове порой Угадывался целиком герой. Со стен отвесных осажденной Трои Смотрели матери, как вышел в бой отважный Гектор, а за ним герои Блестали юной силой и красой. Но материнский взор был тронут мглой, Была со страхом смешана их радость Вкус горечи порой примешан в сладость! Там, где шел бой, с Дарданских берегов До Симоиса, кровь текла струями... В реке, как в битве, бешенство валов Взлетало ввысь и падало, как пламя. Громады волн сшибались с камышами И вновь, отхлынув, мчались на врага, Швыряя мутной пеной в берега. Лукреция к картине подступила, Ища лицо, где горю нет конца... Есть много лиц, на коих скорбь застыла, Но с горем беспредельным нет лица. Лишь скорбь Гекубы тяжелей свинца: Приам пред нею кровью истекает, А Пирр его пятою попирает. В ней прояснил художник власть времен, Смерть красоты и бед нагроможденье... Морщинами весь лик преобразен, что было и чем стала - нет сравнения! Была красавица, а стала тенью: Кровь в жилах каплет медленным ручьем, Жизнь в дряхлом теле как бы под замком. Лукреция на тень глядит в смятенье Моя тоска иль беды там страшней? Кик вопль желанен был бы этой тени, Проклятий град на греческих вождей! Не бог художник, слов он не дал ей... "Как он неправ, - Лукреция решает, Страданья дав, он слов ее лишает! Немая лютия, голос дать хочу Твоим терзаньям жалобой своею: Бальзамом я Приама излечу, Швырну проклятья Пирру, как злодею, Слезам погасить пожар сумею И выщерблю глаза своим ножом Всем грекам, всем, кто стал твоим врагом! О, где блудница, кто всему виною, Чтоб ей лицо ногтями растерзать? Парис, ты похотью разрушил Трою, Заставил стены древние пылать, Твоим глазам пришлось пожаром стать... Здесь в Трое гибнут, за тебя в ответе, Везде отцы, и матери, и дети. Ах, наслажденье одного зачем Чумой для сотен и для тысяч стало? За чей-то грех ужель казнить всех? Пусть божество его бы и карало, Чтоб зло судьбу невинных миновало. Зачем грешит один, а смерть для всех Расплату принесет за этот грех? Гекуба плачет, смерть у глаз Приама, Чуть дышит Гектор, ранен и Троил... Друзья в крови, сражаются упрямо, Друзья от ран уже почти без сил... Один влюбленный столько погубил! Будь к сыну строг Приам, то Троя,

право, Не пламенем блистала бы, а славой". И вздох и стон картина будит в ней... Ведь скорбь гудит, как колокол пудовый В трезвона час от тяжести своей, Рождая гул унылый и суровый. Она ведет рассказ печальный снова... Для бедствий в красках и карандаше, Как дар, слова слагаются в душе. Картину вновь она обводит взглядом, О тех печалась, кто судьбе не рад... Вдруг видит – пленный грек бредет, а рядом конвой – фригийских пастухов отряд. Грек хмур, но он и радостью объят, И на лице смирение святое... Свой путь вся эта группа держит к Трое. Художник мастерски изобразил, Как грек обман свой затаил умело: Брел он спокойно, взор спокоен был, Он словно рад был, что так худо дело... Лицо ни вспыхивало, ни бледнело Румянец не твердил здесь о грехах, А бледность – что таится в сердце страх. Но, дьявол убежденный и отпетый, Он принял облик светлой доброты, Так затаив все зло в глубинах где-то, что трудно было распознать черты Предательства, коварства, клеветы... Безоблачность – не признак урагана, И мы не ждем от святости обмана. Столь кроткий образ мастер создал нам, Изобразив предателя Синона! Ему доверясь, пал старик Приам, Его слова лавиной раскаленной Сожгли дворцы и башни Илиона, И в небе рой мерцающих светил О зеркале низвергнутом грустил. Она картину ясно разглядела И мастера за мастерство корит... Синона образ ложен – в этом дело: Дух зла не может быть в прекрасном скрыт! Она опять все пристальней глядит, И, видя, что лицо его правдиво, Она решает, что картина лжива. "Не может быть, – шепнула, – столько зла В таком... – и тут запнулась, – в кротком взоре". Вдруг тень Тарквиния пред ней прошла, И ожило пред ней воочью горе. И, помня о неслыханном позоре, Она твердит: "Поверить нету сил, чтоб этот облик зло в себе таил!" Как здесь изображен Синон лукавый И грустен он, и кроток, и устал, Как бы от бедствий еле жив он, право, Так предо мной Тарквиний и предстал. Что он злодей – искусно он скрывал... И, как Приам, так приняла его я, С приветом, – и моя погибла Троя! Смотри, как вздрогнул сам Приам седой, Увидев слезы лживые Синона! Приам, ты стар, но где же разум твой? В любой слезе – троянцев кровь и стоны, Не влага в них, а пламень раскаленный... Ты сжалился, но эти жемчуга сжигают Троию, как огонь врага. Подобный дьявол вдохновился адом: Весь в пламени, дрожит, как вмерзший в лед, Здесь лед и пламень обитают рядом... В противоречьях здесь единства взлет Безумцам это льстит и их влечет: Такая жалость вспыхнула в Приаме, что Троию сжечь сумел Синон слезами". Теперь же злоба и ее берет... Она, теряя всякое терпение, Синона яростно ногтями рвет, С тем гостем злым ища ему сравненье, Кто к ней самой внушил ей отвращенье... Но вдруг опомнилась – а мстит кому? "Вот глупая! Не больно же ему!" Отхлынет скорбь и снова приливает... Как тягостна ей времени река! То ночь мила, то день ее пленяет, Но долог день и ночь не коротка... Как время тянется, когда тоска! Свинцово горе, но ему не спится, В бессонной ночи время лишь влачится. Итак, все это время провела Лукреция, картину созерцая... От собственных несчастий отвлекла На краткий срок ее беда чужая, Она следит, о горе забывая... Мысль о страданиях ближних, может быть, способна облегчить... А излечить? И вот уж снова здесь гонец проворный, Со свитой мужа он привел домой. Лукреция стоит в одежде черной, Глаза повиты синею каймой, Как полукругом радуги цветной... И слез озера в синеве туманной Не снова ль предвещают ураганы? Все это видит горестный супруг, Жене в лицо глядит он с изумленьем: Ее глаза красны от слез и мук, Их ясный свет как будто скрыт затмением... Объята оба страхом и смятением Так, в дальних странах друга встретя вдруг, Ему в глаза глядит с тревогой друг. Он взял ее безжизненную руку И говорит: "Какая же беда Обрушилась и обрекла на муку? Румянец где? Ведь он блистал всегда! Исчезло и веселье без следа... Поведай, милая, свои печали, чтобы мы вместе прочь их отогнали!" Вздохнула трижды в горести она В несчастье трудно вымолвить и слово... Но наконец она начать должна, И вот поведать им она готова, что честь ее в плену у вора злого... А Коллатин и все его друзья Рассказа ждут, волнение затая. И лебедь бледный скорбно начинает Последний перед смертью свой рассказ: "Беда, где уж ничто не помогает, Понятней станет в двух словах для вас. Не слов, а слез во мне велик запас, И если б все сказать я пожелала б, То где найти предел потоку жалоб? Ответь, язык, затверженный урок! Супруг, тебе узнать пора настала: Пришел наглец и на подушку лег, Где ты склонялся головой усталой. По этого злодею было мало Он совершил насилье надо мной... Я верной перестала быть женой! Он в полночи ужасные мгновенья С блистающим мечом вошел ко мне И с факелом... Дрожа от вождельенья, Он молвил: "Римлянка, забудь о сне! Отдайся мне, я весь горю в огне! Но, яростно отвергнутый тобою, навек позором я тебя покрою! Да, если мне не покоришься ты, Презренного раба убью мгновенно, убью тебя, скажу, что вы – скоты, предавшиеся похоти растленной, Скажу – застав, убил самозабвенно... В веках я этим стану знаменит, А ты пожнешь позор и вечный стыд!" Тут начала я плакать и метаться... Тогда он к сердцу мне приставил меч, сказав, что нечего сопротивляться: Решай сама – молчать или мертвой лечь! И о

позоре вновь завел он речь: "Весь Рим запомнит на твоей могиле В объятиях раба тебя убили!" Был грозен враг мой, беззащитна я, от страха стала я еще слабее... Молчать кровавый повелел судья, Я видела, что умолять не смею. К несчастью, скромной красотой своею Похитила я похотливый взгляд... А судей обворуй - тебя казнят! Скажи, уместно ль быть здесь извиненьям? Иль хоть утешь таким путем мой слух: Пусть кровь моя покрыта осквернением, Но безупречно непорочен дух! Он тверд, в нем факел света не потух, Не сдавшись гнету, чистый, он томится В своей грехом отравленной темнице". А муж, как разорившийся купец, стоял, поникнув в горе и молчанье... Но вот, ломая руки, наконец Он речь повел... И с бледных уст дыханье Струится так, что речь как бы в тумане: Пытается несчастный дать ответ, Но только дышит он, а слов-то нет. Под аркой моста так бурлит течение, За ним угнаться неспособен глаз. В водоворотах ярое стремленье Его обратно увлечет подчас, И ярость волн захватывает нас... Страданье рвется вздохами наружу, Но выразить его так трудно мужу. Она следит за горестью немой и новую в нем ярость пробуждает: "О милый мой, сильнее скорблю с тобой! Ведь от дождей поток не утихает. Мне сердце боль твоя острее терзает... Но ты не плачь! Чтоб горе все залить, Одних моих слез хватит, может быть. Ради меня, тебя я заклинаю, Ради своей Лукреции - отмсти! Его врагом всеобщим я считаю... От бед уже минувших защити! Пусть поздно и к спасенью нет пути, По все же пусть умрет злодей жестокий Мы поощряем жалостью пороки! Но прежде чем открою имя вам, Она сказала свите Коллатина, Во храме поклянитесь всем богам Отметить обиды женщины невинной. Ведь это долг и доблесть паладина Поднять свой меч на легион обид... За горе женщин верный рыцарь мстит!" И, благородством пламенным объята, Все воины помочь желают ей: Готов любой взять меч, облечься в латы, Все жаждут знать скорее - кто злодей... Но, все тая покуда от друзей, "Ответьте, - молвит, не подъявля взора, Как мне с себя стереть клеймо позора? Как расценить свой жребий я должна Судьбы зловещей страшное вторженье? Совместны ли невинность и вина? Возможно ль честь спасти от осквернения? И есть ли вообще теперь спасенье? Брось яд в ручей - он будет чист опять... А мне - как снова непорочной стать?" Тут все наперебой заговорили: Пусть в теле червь, но дух не осквернен! Лицо ее с улыбкою бессилья как карта грозных судеб и времен, Где каждый знак слезами окаймлен. "Пусть бед таких, - она им отвечает, в грядущем ни одна из нас не знает!" Тут словно сердце разорвал ей вздох... Тарквиния хотела молвить имя, Но только "он!" язык несчастной мог пролепетать усилиями своими. И наконец, устами неживыми Она сказала: "Он, мои друзья, лишь он виной, что умираю я!" В грудь беззащитную она вонзает Зловещий нож, души кончая плен... Удар ножа все узы разрешает В темнице плоти, имя коей - тлен. Крылатый дух взлетел, благословен... И вот из вен струится жизнь немая, Трагедию достойно завершая. А Коллатин стоял окаменев, И рядом вся толпа оцепенела, И лишь отец, смертельно побледнев, упал на землю, обнимая тело... А Брут из раны нож извлек умело, И вот за лезвием потоком вновь как бы в погоню устремилась кровь. А из груди струями вытекая, На две реки расхлынулась она, И, с двух сторон все тело огибая, Змеилась вниз зловещая волна... Все тело-остров, где прошла война! Часть крови оставалась чистой, алой, Но черной опозоренная стала. И в ней царили траур и мороз, И словно бы вода смешалась с нею, Как о злодейском деле горечь слез... С тех пор, как бы Лукрецию жалея, Нечистой крови цвет всегда бледнее. Кровь чистая свой цвет хранит всегда, За мутную краснея от стыда. "О дочь! - Лукреций старый восклицает. Ведь эта жизнь принадлежала мне! Портрет отца младенец воскрешает... В ком буду жить, раз ты в могильном сне? Зачем ты смолкла в смертной тишине? Увы, смешалось все на этом свете: Живут родители, в могиле - дети! Разбито зеркало, где свой портрет в твоём подобье я ловил, бывало, Но ныне затуманен этот свет, Во мраке смерть костлявая предстала... Все узы ты меж нами разорвала Ты навсегда рассталась с красотой, И с ней затмился прежний облик мой! О время, прекрати свое движенье, Раз умирает то, что жить должно, И входит доблесть в смертные владенья, А жить ничтожным только суждено. Пчел юных много, старых - нет давно! Живи, моя Лукреция, ликуя, Ты хорони меня, когда умру я!" Тут коллатин, очнувшись, как от сна, Отца ее умолкнуть умоляет И, рухнув там, где вся в крови она, Свой бледный лик он кровью обагрят, как будто с ней он умереть желает... Но вновь в него вдыхает силу стыд, Он хочет жить, он мщением горит! Глубокое душевное волненье Ему сковало тяжестью язык... Но, испытав в безмолвии томленье (ведь каждый горе изливать привык!), Он речь повел. И полилась в тот миг волна бессвязных слов, неясных, хилых, которых смысл понять никто не в силах. Но вдруг "Тарквиний!" слышалось ясней, Сквозь зубы, словно грыз он это имя... Так ветер перед яростью дождей взметается порывами шальными, Но хлынет дождь - и ветра нет в помине! Так скорбь в слезах их спор решить должна, Кто им дороже - дочь или жена. Тот и другой зовут ее своею, Но их старанья тщетны, как ни жаль... Отец кричит: "Моя!" - "Была моею, Твердит

супруг, - оставьте мне печаль! Я разрешу кому-нибудь едва ль Оплакивать Лукреций кончину, Пристало это только Коллатину!" Лукреций стонет: "Мною жизнь дана Той, кто так рано скрылась в тень могилы!" "О горе! - стонет Коллатин, - жена, Моя жена, она мое убила!" "Дочь" и "жена" - все жалостью томило, И воздуха расколота волна Звенящим: "Дочь моя!", "Моя жена!" А Брут, извлекая раньше нож из раны, Увидев схватку этих скорбных сил, Обрел теперь величие титана, Он блажь былую в ране схоронил. Ведь Рим его невысоко ценил: Так короли шутов не уважают За то, что часто вздор они болтают. Он шутовской наряд отбросил прочь (Была здесь хитрость - вот и вся причина!), И ум блеснул, чтоб в горести помочь, чтоб успокоить слезы Коллатина. "Встань! - он сказал, - ты в ранге властелина! Позволь же мне, кто слыл глупцом у вас, Дать мудрому совет на этот раз! Мой друг, ужели горем лечат горе? Да разве раны исцелят от ран? Ужели себе ты будешь мстить в позоре За кровь жены, за подлость, за обман? Ребячество, безволия туман! Вот так твоя жена и поступила: Себя, а не врага она убила. О римлянин, ты сердцу не давай Потоком жалоб горестных излиться! Склонись над алтарем, к богам взывай, Чтоб грозным гневом вспыхнули их лица, чтоб мести помогли они свершиться! Недрогнувшей рукой наш славный Рим От мерзкой грязи мы освободим! Клянемся Капитолием священным, чистейшей кровью, пролитой сейчас, Сиянем солнечным благословенным, Правами римлян, вечными для нас, Душой Лукреции, чей взор угас, Ножом кровавые этим - мы едины! Мы отомстим за смерть жены невинной!" Умолкнув, он ударил в грудь рукой, Целуя нож, повинный в преступленье... Всех, кто там был, увлек он за собой Порывом доблестным в одно мгновенье, И вся толпа упала на колени, И снова клятва прозвучала тут, Та самая, что дал впервые Брут. Когда и остальные клятву дали, Они Лукреции кровавый прах Всем римлянам с помоста показали, Как повесть о Тарквиния грехах. И вынесло злодеям всем на страх Свой приговор народное собрание: Тарквинию навек уйти в изгнание! ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ЛУКРЕЦИИ" Сюжет, заимствованный Шекспиром из "Фаст" ("Месяцеслова") Овидия (кн. II), был обработан им близко к подлиннику. Важнейшие из отступлений относятся к началу и к концу поэмы. У Овидия Коллатин сам показывает Сексту Тарквинию свою жену, когда она ночью прядет; у Шекспира дело ограничивается только тем, что Коллатин рассказывает о красоте и целомудрии Лукреции. У Овидия повествование завершается предсказанием о том, что Секст Тарквиний потеряет свое царство. У Шекспира дано краткое изображение восстания, приведшего к изгнанию Тарквиния из Рима. Лирические отступления также являются шекспировскими и не навеяны непосредственно поэмой Овидия. Обрисовка характеров и описание переживаний Тарквиния и Лукреции - плод творческого воображения Шекспира. Из лагеря Ардеи осажденной... - Ардея - столица племени Рутулов в восемнадцати милях от Рима. Коллациум (точнее - Коллация) - город в пяти милях от Рима, место жительства Коллатина. На герб червонный наложу белую я... - Согласно правилам рыцарской чести и геральдики, за нарушение достоинства полагалось закрашивать красным цветом изображение на гербе. И, с тростника схватив ее... - В английских домах времен Шекспира пол устилался камышом. Ведь сам Плутон внимал игре Орфея. - В древнегреческом мифе фракийский певец Орфей спустился в ад, чтобы вывести оттуда свою жену Эвридику. Своим пением он так полюбился царю преисподней Плутону, что тот отпустил Эвридику. Арена для трагедии... - В том, что ночь ассоциируется в поэме с трагедией, видят намек на обычай английского театра эпохи Шекспира вывешивать черный навес над сценой во время представления трагедий (Э.Мелон). ...себя низрину в лету... - В древнегреческой мифологии Лета - река забвения, воды которой души умерших должны испить перед вступлением в загробный мир для того, чтобы забыть обо всем, что было с ними при жизни. ...как у фонтана статуи наяд. - Наяды в античных мифах - фантастические существа, обитавшие в воде, в частности в водах фонтанов. Прекрасное изображение Трои... - Лукреция разглядывает картину, изображающую события, связанные с легендой о Троянской войне, составившей содержание поэмы Гомера "Илиада". И лебедь бледный... - Намек на древнее поверье о том, что - лебедь перед смертью поет. Брут - Юний Брут, первый из семьи Юниев получил прозвище - Брут (животное), так как, спасая свою жизнь от подозрительного дяди, царя Тарквиния, притворялся безумным, на что есть намек в поэме: "он блажь былую в ране [Лукреции] схоронил", то есть смерть Лукреции заставила его сбросить маску безумия.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Шекспир У. Лукреция [filosoff.org](http://filosoff.org)  
сайтов. Интеграция, Хостинг.  
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!